

XX $\frac{60}{7}$

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

$\frac{802-83}{33219}$

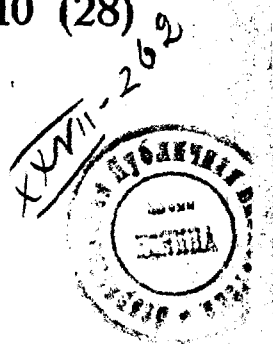
ПУТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

НАУЧНЫЙ ОРГАН
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
И
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
имени К. А. ТИМИРЯЗЕВА

Под редакцией
ПРОФ. В. Р. ВИЛЬЯМСА, Н. А. ТЕОДОРОВИЧА и О. М. ТАРТУЛЬЯНА

Октябрь

№ 10 (28)

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“
МОСКВА—1927

Проф. А. А. Калантар

Судьбы „русского“ скота.

(Из памятной книжки животновода).

В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия, при тогдашнем состоянии зоотехнической науки, Н. В. Верещагин был чуть не единственным человеком, который открыто выступал на защиту русского скота и против метизации его с иностранными породами. Его защита и ссылки на стада Д. А. Путяты, Едимоновской школы молочного хозяйства и некоторые другие единичные стада казались настолько малоосновательными, что авторитеты того времени считали вполне естественным ироническое отношение к «патриотам русского скотоводства».

Эти факты оспаривались, чисто русское происхождение стада Путяты подвергалось сомнению, стадо Едимоновской школы объявлялось искусственно подобранным из животных с исключительными удоями, неспособность русского скота (как непородистого) передавать потомству «случайные» продуктивные качества считалось неоспоримым; точно также неспособность русского скота раздояваться под влиянием усиленного кормления считалось вне сомнения; и логика была проста: «как может вдруг раздоиться скот, который веками давал каплю молока». Так была сильна вера в так называемую породу, под которой разумеалась группа скота одной масти и одинаковых форм, передающихся по наследству.

Против этих доводов, основанных, якобы, на научных законах, трудно было возразить, нужны были убедительные, притом массовые факты, которых не было. И хотя Едимоновское стадо не было «искусственно подобрано из большого числа животных», а было составлено из обыкновенных, осенью продаваемых коров, но этому и не верили, да и факт-то был, можно сказать, единственный. Нужны были массовые наблюдения.

Первое исследование русского скота было произведено в 1879—80 гг., по поручению того же Н. В. Верещагина, Ал. А. Калантаром в пределах северных губерний Европейской России с развитым молочным хозяйством. Это исследование указало на целый ряд хозяйств, в которых были достигнуты весьма выдающиеся по тем временам результаты.

Идея о невозможности улучшения скота без участия производителей культурных пород настолько была сильна, что и высокие продуктивные качества холмогорки и ярославки объясняли присутствием в их жилах нескольких капель чужой крови. Если относительно первой из них и известны случаи прилития голландской крови, то относительно ярославки делались лишь одни предположения, главным образом основываясь на особенностях масти. Утверждалось, напр., что белоголовость есть признак метисного происхождения. Между тем, стоило лишь сопо-

ставить целый ряд пород скота пестрой масти, чтобы увидеть, что при пестроте белоголовость есть признак общий всем породам, что впоследствии мною и было доказано исследованием сотен тысяч животных¹⁾. Усилием воображения, в стаде Путяты также находили следы иностранных кровей и этим следам приписывали чудо — поднятие удоев этого стада.

Поразительно при этом, что примеры тысяч хозяев, систематически метизировавших свои стада или приливавших кровь всевозможных пород, с жалкими результатами, с ничтожными удоями (80—100 в.) правоверными метизаторами не трактовались, как отрицательный факт, а ничтожным каплям или даже лишь предполагавшимся следам чужих кровей в русском скоте приписывалось чудодейственное влияние. Забывалось при этом, что ничтожную продуктивность у нас русского скота и значительно пониженные удои метисов (и даже чистокровных стад) создали крайне скудные условия кормления и содержания скота. Эти же условия в деле воспитания молодняка вели к вырождению значительного большинства помещичьих «улучшенных» стад.

Кстати сказать, эта сторона дела, т. е. продуктивность, и не являлась предметом особых забот хозяев и зоотехников того времени — были бы красивые, типичные формы, типичная масть, крупный рост, и скот получал высокую оценку и широкую известность.

Насколько внешние формы являлись целью племенного разведения скота, видно из следующей бытовой картины середины прошлого столетия, рассказанной мне б. вице-президентом Рязанского общества сельского хозяйства Кореневым. Это было в 1894 году, когда, будучи приглашен в Рязань для совещания по вопросам скотоводства, я в своем докладе обращал внимание рязанцев на высокие продуктивные качества местного скота и рекомендовал вместо бесполезных скрепчиваний с производителями пород, не приспособленных к обычным условиям Рязанской губ., подбирать стада из высокопродуктивных местных животных и их разводить в себе. Коренев по этому поводу сказал: «Как это ново и не похоже на то, чему нас учили до сих пор. В дни моей молодости гремел знаменитый в свое время А. И. Бабин, создатель «бабинского скота». К нему стекался народ посмотреть и послушать не только из нашей губернии, но, можно сказать, со всей России. Поехал и я, молодой, неопытный хозяин, на поклон. Застал я его сидящим в зале, как Христос среди апостолов, по шесть человек с каждой стороны, — показывающим рисунки и проповедующим. И я присел тринадцатым и слышу: — «посмотрите вы на этот торс, разве это не художество, посмотрите вы на линию спины, разве это не красота, посмотрите на эту голову, это ли не скульптура». Я по своему легкомыслию позволил себе обратиться к нему с вопросом: «А скажите, пожалуйста, Александр Иванович, много ли ваши коровы дают молока?» Осерчал мой Александр Иванович (были недовольны и слушатели-помещики): «Зачем тебе, молодой человек, молоко; у нас в Рязани этого добра — пятачок крышка — сколько угодно». Я тогда был весьма смущен и пристыжен, теперь вижу, что содеянное мною не так уж было глупо».

Таковы были взгляды того времени, таковыми же оставались и почти до конца столетия. И исследование Ал. А. Калантара были интересны именно, тем, что указывали на группы самого заурядного русского скота с высокими удоями, дающими большие выхода масла.

¹⁾ См. „Пути Сел. Хозяйства“ № 1 за 1927 г. статью „Закономерность окраски животных и термическая теория пигментации“. Она вышла и отдельной брошюрой в издательстве „Новая Деревня“.

Нужен был научный подход к вопросу, нужно было систематическое собирание материалов о продуктивности русского скота при улучшенном кормлении, нужны были лабораторные исследования молока, нужен был учет оплаты молоком расходов по кормлению и содержанию скота. Начало этому делу было положено мною в 1883 г. в устроенной мною лаборатории при Едимоновской школе молочного хозяйства, которой я, по приглашению Н. В. Верецагина, заведывал в 1882 г.

Первые же наши исследования показали выдающуюся жирномолочность русского скота. Большое число анализов (12 000) молока, находившегося под моим наблюдением стада Едимоновской школы и приносного молока местных крестьянских коров показало среднее содержание жира в молоке своего стада 4,2%, а крестьянского — 4,4%. Что же касается удойливости, то она в среднем за 6 лет моего заведывания стадом школы оказалась 175 ведер. При этом скот, купленный со средним живым весом 16 пудов, в первый же год при усиленном, правильном кормлении и теплом содержании раздоялся до 140 ведер. Из этого стада в 32 головы лишь 2 головы были выбракованы, а остальные дошли до вышеказанного среднего удоя, поднявши свой живой вес на 6 пудов, т. е. до 22 пудов.

Первые же результаты этой работы дали идею необходимости проверки жирномолочности русского скота и по другим районам, известным своим местным скотом, как-то: районы скота ярославского, рязанского (красного приокского), вологодского (домшинского) и др.

С этой целью мною были сконструированы небольшие передвижные лаборатории с небольшими, но достаточно точными весами: тогда еще не было прибора Гербера. Снабженные этими лабораториями ряд сотрудников лаборатории (Соколов, Ивашкевич, Спирин, Турков и др.) были командированы Н. В. Верецагиным на места. Работы эти дали такие же выдающиеся результаты, при чем местами были констатированы и высокие удои.

С целью более точного установления продуктивности и жирномолочности ярославок в район с.с. Вятское и Давыдково был командирован И. Ф. Ивашкевич, который в течение года должен был определять суточные удои и содержание жира у возможно большего числа коров. Результаты этой ценной работы мною были доложены в комитете скотоводства Московского общества сельского хозяйства¹⁾ и оказались для очень многих неожиданными: удои, доходившие до 250 пудов и выше, и содержание жира в среднем 4,2%, как массовое явление, вызывали во всяком случае известное внимание к себе.

Начало систематическим наблюдениям было положено, факты и наблюдения накапливались из года в год, сторонников русского скота становилось все больше и больше. А во время экспедиции 1894 года, порученной б. министерством земледелия мне совместно с покойным К. А. Вернером и А. Д. Педашенко и имевшей целью исследовать тогдашнее состояние молочного хозяйства в 7 уездах Ярославской, Новгородской и Вологодской губерний, было констатировано существование выдающихся молочных коров, как массового явления, не только среди скота Ярославской губернии (в Пошехонском, Рыбинском и Мологском у.у.), но и в Новгородской, в Череповецком уезде вдоль реки Шексны, в Вологодском, Грязовецком и Тотемском уездах. Продуктивность ярославок, напр., в среднем по Пошехонскому уезду определялась в 100 пудов, по другим уездам в 70—90 пудов при обычных условиях крестьянского кормления и содержания; а среди этой массы выделялись

¹⁾ Напечатано в „Вестнике с. хозяйства“. 1885 г.

животные, получившие усиленный корм и дававшие удои до 150 и выше пудов. В эту же экспедицию мною было выяснено, что мелкие уломские и кокшайские коровы с живым весом, падающим до 10 пудов и ниже и дававшие годовой удои в 20—30 пудов, будучи переведены в лучшие кормовые условия с обильным кормлением и теплыми дворами, удваивали, утраивали свои удои, а кошкарки, переведенные в Тотьму, в городское стадо с теплым содержанием и обильным кормлением, раздаивались до 100—120 пудов, приобретая вместе с тем и крупный живой вес.

Вопрос о массовом улучшении вообще не ставился ни в правительственных ни в земских и общественных сферах. Единственный раз этот вопрос в большом, государственном масштабе был выдвинут и то в таком виде, что бессмысленность и неосуществимость предложенного проекта была очевидна. Министру финансов был представлен известным свечным фабрикантом Крестовниковым проект, составленный агрономом, имени которого не помню, разрешающий сложный вопрос об улучшении необыкновенно пестрого состава русского скотоводства чрезвычайно просто, чисто математически. Было вычислено, что если государство затратит 5 миллионов рублей на выписку племенных производителей и распределит правильно по территории страны, то через год уже получится больше $\frac{1}{2}$ миллиона улучшенного потомства. Дальнейшие арифметические вычисления показывали, что, идя в такой прогрессии, в одно десятилетие можно было бы осчастливить колоссальную страну культурным скотом. Проект, посланный на заключение министра земледелия, подвергся соответственной критике (каюсь, виновен в том) и был отвергнут, но все же это была первая и единственная попытка подойти к этому вопросу.

1910 год является началом работ о мерах к массовому улучшению нашего скота. В этом году при Северном сельско-хозяйственном обществе, по моей инициативе и под моим руководством, был созван «I Всероссийский съезд по массовому улучшению скотоводства» и одновременно всероссийская выставка, на которую впервые были привлечены организованно целые группы русских отродий скота с данными об их продуктивности. Здесь же была представлена Финляндией интереснейшая группа улучшенного восточно-финского скота, с данными о высокой (количественно и качественно) продуктивности его — реальный образец того, что можно сделать при правильно организованном подборе скота не только по типу, но и по удоям, содержанию жира в молоке и оплате корма.

Этот же год и съезд являются началом той большой работы по обследованию местных отродий скота, которая теперь получила все права серьезных мероприятий по массовому улучшению скота. По окончании съезда при министерстве земледелия было созвано совещание из съехавшихся лучших специалистов и авторитетов для обсуждения важного вопроса, выдвинутого весьма деятельным и энергичным архангельским правительственным агрономом И. И. Тулубьевым: им была спроектирована целая сеть случных пунктов для обслуживания всего центрального района холмогорского скота. Проект был одобрен и принят единогласно; вопрос лишь касался того, каких быков ставить на пункты — голландских или местных. И. И. Тулубьев ставил этот вопрос на определенное и твердое решение.

Сторонники голландского происхождения холмогорского скота стояли за систематическое освежение этой крови, а следовательно, за снабжение случных пунктов голландскими быками. Я, объездивший за 4 года до того не только собственно холмогорский район, но ознакомившийся с характером скотоводства и далеко за пределами его, напр...

вверх по Пинеге (приток С. Двины) верст на 250, полагая, что холмогорский, так же как и верхдвинский, припинежский, и пр. северные отродья являются чисто местным скотом, выработавшимся под влиянием особо благоприятных кормовых и бытовых условий, проводил мысль о необходимости вести дальнейшее разведение этого скота в себе и, во всяком случае, настаивал на необходимости научного решения вопроса о типе холмогорского скота, о его действительной продуктивности, обследованием его непосредственно на месте. Комиссия большинством присоединилась к моему мнению и постановила обследовать это ценнейшее русское отродье и поручить это дело мне.

Состоявшееся в ближайшее же лето 1911 г. обследование, где животные с явными признаками голландской крови (результат недавней за 3 года до того — выписки голландских быков) исследовались отдельно от животных, у которых признаки этой породы отсутствовали, дало крайне интересные результаты. Во-первых, число животных с признаками голландской крови оказалось значительно меньше, чем местных, по своим экстерьерным признакам резко отличавшихся от первых. Во-вторых, продуктивность тех и других не отличалась в пользу голландских метисов. В-третьих, точными примерами и экстерьерными описаниями был установлен совершенно определенный экстерьер холмогорского «местного» скота, отличающийся от экстерьера голландских метисов.

Как было сказано, в продуктивности местных и голландских метисов разницы не было констатировано. Что же касается вообще величины удоев, то она поражала своей высотой, что я имел возможность установить не только обычными экспедиционными методами, но и прямыми данными: по количеству молока, заносимого от отдельных коров на маслодельно-сыроваренные заводы и по точным записям городской фермы в Архангельске. Заносы молока по 150 и больше пудов (200 ведер и выше) не были редкостью; если к этой цифре прибавить 25—40% оставлявшегося для домашних нужд и на телят, то общий удой выяснялся в пределах до 190—210 пудов (250—270 вед.) или 3 300—3 500 литров. Удой же хорошо подобранного и интенсивного кормленного стада городской фермы (б. М. А. Лазаревой) поражали своей высотой: от 340 до 540 ведер.

Вот то необыкновенное богатство, и не в метисах, а в местном скоте, которое обследованием было точно установлено. Со следующего же 1912 года была начата планомерная работа по выращиванию бычков и разведению в себе, чему на помощь не преминули явиться и контрольные союзы, устроенные здесь впервые Северным с.-х. обществом. Как бы в ответ и в помощь ему мною при том же обществе в 1913 году был учрежден первый «Союз по разведению холмогорского (и ярославского) скота», — а в 1914 г. был напечатан первый том «Племенной книги», названной покойным профессором М. И. Придорогиным, в своем докладе Центральной зоотехнической комиссии НКЗема, лучшей из ему известных Племенной книгой. Животные, занесенные в эту Племенную книгу, уже в первый год деятельности союза (в числе 145 голов) показывали рекордные удои до 611 ведер: 17% всех животных дали от 400 до 611 ведер, или от 5 000 до 7 625 литров молока. В Племенную книгу заносились лишь животные типичные, стандартных размеров и без видимых признаков голландской крови. Не заносятся в книгу животные с удоями ниже 225 ведер или 175 пуд. (2 870 кг.), с содержанием жира ниже 3,5 или меньше 610 пуд. с 1% жира и, наконец, с оплатой корма меньше 120 фунтов молока со 100 корм. ед. Из предварительной записи (по

удоям родителей и по их типу) в Племенную книгу переносились те, кои дали вышеприведенную продуктивность по 3 отелу. Удои животных в лактационном возрасте от 3 до 6 отелов приведены в нижеследующей таблице. Здесь же дано распределение удоев молодых животных по 1 и 2 отелу и старше — от 7 до 11 отелов:

С у д о е м		От 3 до 6 отелов	От 1 до 2 отелов	От 7 до 11 отелов
		(животных в процентах)		
От 2 050 до 2 460 кг. от 125 до 150 пуд.)		9,0	50,0	16,7
» 2 460 » 3 275 » » 151 » 200 »)		34,0	33,3	50,0
» 3 275 » 4 095 » » 201 » 250 »)		38,0	16,7	—
» 4 095 » 4 910 » » 251 » 300 »)		11,0	—	16,7
» 4 910 » 5 730 » » 301 » 350 »)		5,0	—	8,3
» 5 730 » 6 550 » » 341 » 400 »)		5,0	—	8,3

В том же 1911 г. на юге проф. Е. Ф. Лискуном было произведено обследование так называемого красного немецкого или колонистского скота. Хотя этот скот и, несомненно, несет в своих жилах некоторую дозу иностранной крови, но столетняя его культура в наших условиях придала ему свой особый тип и характер. И здесь обследование показало, на основании многочисленных промеров, существование определенного костяка, т. е. типа, и вместе с тем была установлена и заметная продуктивность.

1912 г. пролил свет на самый популярный в нашем отечестве скот, на ярославский. В этом году одновременно работало 2 экспедиции по обследованию этого скота. Ярославское земство пригласило меня произвести на совместные с министерством земледелия средства обследование скотоводства губернии. Одновременно такое же обследование произведено было профессором Е. Ф. Лискуном. Это одновременное исследование двумя группами лиц, вначале несколько казавшееся излишним, впоследствии оказалось весьма интересным в смысле проверки методики выведения типа по промерам и внешнему описанию.

Обе экспедиции, работая над различными группами скота одного и того же отродья, дали одни и те же результаты, один и тот же стандарт промеров и экстерьерных признаков, т. е. тип. Мало того, вопрос о типе был мною поставлен на проверку в двух плоскостях: относительно изменчивости его 1) во времени и 2) по местам. Мною были собраны все промеры ярославского скота, накопленные в земстве по многим выставкам до 1899 года, и были обработаны по обычному методу вариационной статистики. Результаты оказались поразительно сходными с полученными во время экспедиции, т. е. установленные стандарты оказались совершенно одинаковыми, что вполне и понятно: костяк, установленный совместным тысячелетним влиянием климата, почвы, быта, кормления, содержания и воспитания, не мог изменяться без коренного изменения этих условий. Это обстоятельство было крайне важно для устранения того легкомысленного отношения к типу местного скота, которое проявляли некоторые «специалисты с апломбом», которые представляли тип, как нечто такое, что может изменяться чуть не из года в год.

Второе недоразумение касалось масти ярославского скота. Благодаря пропаганде ярославских специалистов было принято считать типичным лишь животных черной масти, белоголовых с очками, с белыми чулками и т. д. Красные же оттенки, белохребетные, сплошь окрашенные ими, исключались из рассмотрения. Я многократно на всех совещаниях протестовал против этого, говоря, что тип определяется

строением животного, масть же вещь изменчивая, зависящая, даже от вкуса хозяина. Поэтому я предлагал проверочными работами по выяснению количественной и качественной продуктивности ярославков различных мастей (оттенков черной и красной масти) решить, какой из них дать предпочтение и или 1) установить одну, оказавшуюся в продуктивном отношении лучшей мастью, или 2) разводить 2 группы по мастям, географически установивши границы разведения той или другой масти.

Для выяснения поставленного вопроса о типах по мастям, собранный по промерам материал мною был разбит на 10 групп и разработан отдельно по следующим оттенкам: 1) черные белоголовые в очках, 2) черные белоголовые без очков, 3) черные с ремнем, белохребтовые, 4) пестрые вообще, 5) сплошь черные, 6) красные белоголовые с очками, 7) красные белоголовые без очков, 8) красные белохребтные, 9) красно-пестрые вообще и 10) сплошь красные. Результаты обработки были крайне интересны. Как и следовало в сущности ожидать, все 10 комбинаций мастей дали один и тот же стандарт промеров, т. е. один и тот же тип, что и понятно: одни и те же естественно-исторические, хозяйственные, бытовые условия выработали один и тот же костяк.

Оставалось хоть решить вопрос, на какой же масти остановиться. Мне казалось, что можно было бы по районам вести обе масти (но в обоих устранить разномастицу), сохранивши белоголовость, белоноговость и пр.), хотя имел некоторые основания и даже материалы для утверждения большей жирномолочности животных красной масти. Мною было предложено земству 26 пунктов для организации контрольных союзов, которые должны были бы дать ценнейший материал для окончательного решения вопроса о масти ярославского скота. Вопрос же о массовой высокой продуктивности ярославков всех мастей был вне всякого сомнения для обеих экспедиций. Но эти контрольные пункты земством осуществлены не были, быть может тому помешала надвинувшаяся война.

В следующем 1913 и последующих годах работал целый ряд экспедиций по обследованию местных отродий скота. Особенный интерес представляло обследование слотоводства бывш. Пермской губ. (впоследствии Пермской и Екатеринбургской губерний, теперь Уральской области). Здесь мне пришлось столкнуться с удивительным разнообразием в скотоводстве. Здесь мне пришлось впервые ознакомиться с выдающимися отродьями и раньше описывавшихся — тагильского и сухсунского скота и открыть другие группы скота, заслуживающие высокого внимания, как, напр., бизярский, бикбардипский, северный комолый и др.

Но центром внимания являлся стоящий выше всяких похвал тагильский скот, давно высоко оцененный на Востоке, куда этот скот вывозили в большом количестве, платя за лучшие экземпляры до 600 руб. Он, конечно, служил предметом особого внимания с моей стороны и моих сотрудников: выдающиеся удои при весьма высокой жирномолочности ставили этот скот на очень высокое место. С целью более точного выяснения продуктивности и жирномолочности этого скота по инициативе известного местного деятеля, губернского агронома, ныне профессора, В. Н. Варгина, было организовано систематическое исследование удоев и состава молока тагилок, чьи хозяйки дали согласие (не боясь «глазу») на периодическое посещение их дворов. Материал этот благоприятно собирался для предстоящей в августе того года выставки в Н. Тагиле.

Это исследование дало результаты, неожиданные даже для местных деятелей. Удой в 200—300 ведер были обычным явлением. Распределение удоев было таково:

Меньше 150 ведер показало	3,5%	исследованных животных
От 151 до 200 ведер.	12,3%	
» 201 » 250 »	33,3%	
» 251 » 300 »	31,6%	
» 301 » 350 »	15,8%	
» 351 и выше »	3,5%	

} 64,9%

Отсюда видно что 200—300 ведеpный удой обычное явление в Тагиле. Среднее содержание жира было получено 4,64%.

И определенный тип тагильки ясно и резко вырисовывался из многочисленных промеров, сделанных экспедицией. Здесь было бы долго рассказывать о тех предположениях, которые существуют о происхождении тагильки, опять неизменно приписываемого участию каких-то долей иностранных кровей. Во всяком случае, иностранных производителей сюда было привезено в 2-3 раза меньше, чем в Холмогоры, а количество скота, на которое могло распространяться их влияние, было раз в 5-6 больше. Можно себе ясно представить, какая же доля капли чужой крови здесь сказалась.

Происхождение тагильки такое же, как и всякого «заводского» скота на Урале. Заводские поселки, живя совершенно городской жизнью, но состоя в значительной своей массе из рабочих и их семей, вели свое скотоводство не так, как в деревнях: теплые дворы, обильный корм, прикармливание концентрированными кормами, всякое пойло и т. п. создали в различных заводских районах (Тагильский, Сухсунский, Бизярский и др. заводы) улучшенные стада. Время от времени сюда попадали производители то той, то другой породы. В результате вековой работы с постоянным отбором лучших доярок и при том «сливочниц» привели к созданию современной, напр., «тагильки».

Казалось бы, при наличии такого скота, который по удоям не уступает лучшим иностранным, а по содержанию жира значительно превосходит многих из них, только и можно вести правильный отбор лучших животных с выращиванием от них племенных животных. И какой же может быть разговор о прилитии какой-либо крови. Но такова уж сила гипноза, такова вера в улучшающую силу породистого производителя, или как на совещании в Тагиле было заявлено: «что ни говорите, а порода все же скажется».

И вот в 1912 году устраивается в Тагиле так называемый опорный пункт с голландскими быками, которые едва ли прибавили бы удой (во всяком случае немного), но жирномолочность, несомненно и значительно, понизили бы. На мой взгляд, это был шаг, во всяком случае, легкомысленный.

Через 14 лет мне пришлось вновь попасть в Тагил на выставку животноводства, которая для меня являлась вдвойне интересной: посмотреть сохранился ли еще знаменитый тагильский скот и успели ли разжидить их молоко при помощи голландских производителей. К великому моему удивлению я увидел, что тагильку еще не успели сильно испортить, разжидили лишь молоко у экземпляров, получивших то или другое количество голландской крови. Тагилька еще цела, хороша, хотя в некоторых экземплярах заметно уже выразился голландский тип, в особенности среди черных экземпляров. Нижеследующая

таблица дает общее представление о выставленных 245 животных, разделенных на 2 группы: черных и красных оттенков:

Удой тагильского скота на выставке 1927 г.

Отцы	Черные оттенки			Красные оттенки		
	Килогр.	Пуды	Содер. жира (в процент.)	Килогр.	Пуды	Содер. жира (в процент.)
1	2523	154	4,06	2031	124	4,74
2	2856	175	3,95	2507	153	4,16
3	3554	217	3,92	3217	197	4,42
4	4096	250	4,19	3554	217	4,21
5	3538	216	4,27	3292	201	4,45
6	3653	223	4,30	3554	217	4,20
7	3217	197	4,38	3423	209	4,19
8	4046	247	4,00	3217	197	4,04
9—14	3800	232	3,88	3374	206	4,38

Эта таблица, дающая блестящее доказательство выдающейся количественной и качественной продуктивности тагилок, также указывает на пониженную жирномолочность черных против красных. В то время как черные показали содержание жира от 3,88 до 4,38%, красные ни разу не дали ниже 4,04%, поднимаясь до 4,74%. К сожалению, в выставочных списках не было указания на происхождение животных от голландских быков. И нам приходится невольно не сравнивать группы по действительному породному признаку (когда разница была бы еще больше), а лишь по масти.

Распределение 12 рекордисток было таково

По 300 пуд.	(4 914 литр.)	удой	показало	6 коров
» 310	» (5 078	»)	»	» 1
» 320	» (5 242	»)	»	» 1
» 330	» (5 405	»)	»	» 1
» 340	» (5 569	»)	»	» 1
» 350	» (5 133	»)	»	» 2

Посещение другого пункта того же тагильского типа скота, Висило-Шайтанского завода, и осмотр местного стада и отдельных выдающихся животных показал, что старый тип тагильского скота здесь сохранился в большей чистоте (без прилития голландской крови) и что здесь мы имеем такое же скотоводственное богатство, достойное высокого внимания к себе и серьезной заводской работы по подбору и разведению по всем правилам новейшей генетической техники.

И, однако, настолько еще сильны корни старого преклонения перед «кровью», что на собеседованиях, бывших во время выставки, велись оживленные разговоры о том, следы каких пород надо искать в тагильке, чтобы соответственной породы быков и выписать для здешних стад. При этом забывалось, что если здесь и играли какую-либо роль примеси кровей, то они уже давно растворились и дали, под влиянием благоприятных местных условий, ту счастливую комбинацию, которая называется тагилькой, и что пора, наконец, начать работу по селекции в себе.

К великому своему удовлетворению я должен сказать, что мои мысли о серьезной работе по подбору животных по установленному для тагильки типу, по продуктивности, по жирномолочности, оплате корма и происхождению от лучших семей нашли полное сочувствие со стороны местных руководителей земельных органов и агрономического персонала. Целая сеть контрольных организаций, учреждение Племенной книги тагильского скота по образцу таковой для холмогорского скота, усиление деятельности и расширению района действий товарищества «Тагилка», выращивание бычков от рекордисток и т. п. в связи с правильно организованным снабжением населения сильными кормами и распространением культуры корне- и клубнеплодов — вот ближайший план мероприятий по скотоводству.

Интереснее всего, что контрольная работа не только подтвердила высокие продуктивные качества давно известной тагильки, но обнаружила весьма высокие удои и среди других групп скота в области. Так, в соседнем Ирбитском округе выявлены удои до 250 пудов (4 095 литров) среди местного скота лишь благодаря усиленному и правильному кормлению. В Пермском округе в районах Филатовского и Васильевского контрольных союзов выявлены суточные удои с новотела по 60 и до 80 фунтов (24—34 литра); правда, последний случай проявлен голландским метисом, но и 60 фун. (24 кг.) поразительный удой для крестьянского скота.

Еще интереснее контрольная работа в Чердынском уезде, где также выявлены удои по 200—240 пудов у того самого комолого скота, у той «пермячки», которую во всех руководствах, по какому-то странному недоразумению, изображали, как образец несчастнейшего животного, «горемычки», ни на что негодной (имеются в продаже, даже диапозитивы этой «пермячки»). Теперь, благодаря обильному кормлению и контрольному делу, эта комолка начинает выступать в ином облике, сходном с ее сестрами, получившими большую известность под названием восточно-финского скота.

Все эти данные и цифры, однако, все еще недостаточны для наших метизаторов, которые не хотят видеть, что финляндцы из той же северной комолки путем систематического подбора не только по типу, но и по продуктивности вывели в короткое время отличные местные породы скота с высокими удоями и жирным молоком. И это было сделано не в «полстолетия», как утверждают это правоверные метизаторы, а в очень короткое время: хозяйственный результат (продуктивность) себя ярко показал уже в первое десятилетие, а типирование внешнее не заставило себя ждать долго после того. Такая же блестящая работа проделана в Швеции и Норвегии, где целый ряд местных, северных групп скота (виденных мною, напр., в 1904 г. на выставке в Трондгейме в самом хаотическом виде, без видимых признаков породы) был типирован и в настоящее время представляет определенные породы с высокими удоями, жирномолочностью и хорошей оплатой корма.

Проф. А. А. Калантар

Судьбы „русского“ скота.¹⁾

(Из памятной книжки животновода.)

К тому же времени относится произведенное мною обследование скотоводства б. Вологодской губ., разбитой впоследствии на две: собственно Вологодскую и Северо-Двинскую. Хотя и раньше до известной степени были известны некоторые районы хорошего скота, но систематического изучения костяка, экстерьера, продуктивности и типа не было сделано. В вологодских земских кругах и раньше был известен, кроме домнинского, так называемый зырянский скот, находящийся по р. Вым. притоку Вычегды, являющейся, в свою очередь, притоком Северной Двины. И даже группа этого скота в 90-х годах по поручению Н. В. Верещагина была приобретена и привезена в Едимоновскую школу для исследования ее продуктивности²⁾.

Обследование, произведенное мною и 9 моими сотрудниками, коснулось всей губернии и имело целью установить характер скотоводства не только в районах, богатейших в кормовом отношении, но проследить все переходы от лучших мест к худшим. И картина параллелизма между кормовыми условиями и характером скотоводства в этом обследовании выступала с поразительной ясностью. В докладе, представленном мною Вологодскому земству, я дал эту картину в наглядных таблицах, где прослежено скотоводство от границы Архангельской губернии, вверх по Двине до впадения Вычегды; дальше прослежена, с одной стороны, Вычегда со впадающими реками Вилед, Вым, Сысола и выше до Усть-Куломы, с другой — скотоводство по Югу и Лузе.

В низовьях Двины мы видим крупный, с хорошими молочными формами, красивый скот на 24—27 пудов живого веса. Скот этот, отличаясь высокой продуктивностью, часто спускается в холмогорский район, где выдерживается в еще более лучших условиях и продается за настоящий холмогорский. Да и немногим он отличается от нижне-двинского, лишь несколько мельче и менее молочен. И все же это прекрасный скот с удоями от 150 до 200 пудов.

Затем, по мере поднятия по Двине скот все более и более становится мелким с колебаниями, смотря по изменяющимся кормовым условиям. Но так как Двина почти на всем своем протяжении изобилует заливыми покосами и хорошими пастбищами, то понятно, почему почти весь придвинский скот является достойным внимания молочным скотом. Отсутствие путей сообщения и выхода на рынки, не создав условий свободного сбыта, не вызвав к жизни молочно-хозяйственного производства, не могло дать должного развития этому скотоводству.

¹⁾ Окончание. См. журн. «Пути сельского хозяйства» № 10, 1927 г.

²⁾ «Материалы по исследованию молочного скотоводства в России». Под редакцией Н. В. Верещагина.

Единственный выход находится в нагуле и откорме скота, которые в некоторых районах принимают полупромышленный характер. Такова местность недалеко от впадения Выгчуды, Вандакурье, где нагуливается большое количество хорошего, крупного скота, который и идет на убой и вывоз по первому санному пути. Это обстоятельство даже дало основание некоторым исследователям края, не разбирающимся в экстерьерных вопросах, считать этот скот «мясным». Он, конечно, типичный молочный, но за отсутствием сбыта молочных продуктов невольно используется на мясо.

Дальше, по мере поднятия вверх по Выгчуде скот становится все мельче и мельче и к ее верховьям приобретает крайне невзрачный вид, угловатость, мелкий размер, доходя даже до 11 пудов живого веса. На этом протяжении, конечно, кормовые условия колеблются, местами — при впадении притоков — становясь лучше, местами — скуднее; параллельно этому колеблется и характер скота. Один из притоков Вым является районом известного зырянского комолого скота, родственного северному комолу скоту, распространенному от Финляндии (а также северных окраин Швеции и Норвегии) на восток до Сибирского Севера. Он мельче выгчудского, а тем более придвинского, но соответственно по своей величине он является отличным молочным скотом с удоями до 150 пудов.

Такую же картину представляет и течение рек Юг и Луза, изобилующих в нижних течениях хорошим скотом с удоями до 120—150 пудов, но по мере поднятия к их истокам становящихся все мельче и мельче.

Вся С. Двина со впадающими в нее притоками является большим районом обширных мероприятий по развитию и типированию местного, заслуживающего внимания, скота. Но предпосылки к организации вывоза и переработки молока в той мере, в какой следовало бы иметь для оживления этого края, вероятно, создадутся еще не скоро.

Что же касается до старого, известного издавна района домшинского скота, то и здесь так же, как в Ярославской губернии, пришлось лишь констатировать высокие молочные качества этого скота. Промеры же и экстерьерные описания установили полную идентичность этого скота с ярославским. В сущности, здесь, вероятно и не существовало особого «домшинского» отродья, а Домшино было давно известно своим скотом того же ярославского отродья. Если бы даже и был особый домшинский скот, он давно должен был бы исчезнуть, так как в пресловутом Домшинском случайном пункте всегда были ярославские быки. Но его, повторяю, и не было, так как промеры и экстерьерные описания его так же, как и согожского, и пришекснинского, и грязовецкого — все они оказались идентичными с ярославским. Этими исследованиями, с одной стороны, была установлена высокая продуктивность скота некоторых районов южной части Вологодской губ., с другой — был расширен район распространения ярославского отродья скота. Мною была составлена, доложена и сдана в Ярославское земство карта распространения ярославского скота; она захватывала, кроме Ярославской, Вологодскую, Череповецкую, Новгородскую, Тверскую, уголок Владимирской и Костромскую губернии.

А какие богатства скрыты по другим рекам нашего Севера, по Мезени, Печоре и их притокам! В 1911 г., во время холмогорской экспедиции, желая проверить свои предположения относительно происхождения холмогорского скота, а именно, что его создали местные кормовые и бытовые условия, я вместе с моим помощником О. В. Гаркави, покинув

на время холмогорский район, уехал на пароходе к устью Мезени и стал подниматься вверх по этой реке для ознакомления со скотоводственными условиями тех районов с заливными лугами, куда не посылали «улучшателей» ни Петр, ни Екатерина и ни Николай. Здесь мы видели также очень хороший, а местами выдающийся скот с прекрасными удоями; нашли даже корову, которая с новотела — по уверению хозяйки — давала 2 пуда молока; это конечно, не могло быть проверено, но названная корова при нас, на восьмом месяце, надоила в вечерний удой 16 фунтов; если сюда присоединить утренний удой в 12 фунтов, то получаемый суточный удой для 8-го месяца, конечно, следует считать высшим рекордом. И здесь, по мере поднятия вверх по Мезени, а следовательно, уменьшения заливных мест и ухудшения выгонов, скот становился все мельче и с худшими удоями.

Не довольствуясь мезенскими лугами и пастбищами, куда все же, хоть редко, попадали отдельные экзemplяры холмогорского скота, я решил, по указанию местных людей, подняться вверх по Пезе, притоку Мезени, в такие отдаленные места, дальше которых не ходили и почтовые лошади, в местность, славящуюся особо богатыми кормовыми условиями и носящую характерные название «Бычье». Здесь, вследствие полного отсутствия выхода на рынок, молочное хозяйство не могло развиться, и скотоводческое хозяйство так же, как и в Вандакурьи, приняло массу кастрированных, преимущественно белых, волов, которые нагулом доходят «по пятой трапе» до убойного веса в 18 и 23 пуда; если же их после травы ставят недель на 7 на хлебный откорм, то их убойный вес доходит до 28 и даже 30 пудов, при чем одного сала получается 5, а в редких случаях даже 7 пудов. В конце ноября скот бьется и затем по санному пути вывозится в Пинегу на ярмарку.

Чем больше я знакомился с нашим Севером, тем ярче и ярче становилась для меня картина полного соответствия между кормовыми условиями, живым весом и продуктивностью скота, — соответствие, отмеченное еще в 1890 г. Ал. А. Калантаром ¹⁾. Мы видим вдоль одной и той же реки и ее притоков необычайное разнообразие в характере скотоводства: начиная от весьма богатых кормов в низовьях, например, Мезени, скот, доходящий в неоткормленном виде до 40 пуд. живого веса, а в откормленном виде до 30 пуд. убойного веса, сменяется по мере поднятия к истокам скотом измельченным до 10 и даже до 7—8 пудов живого и 3 пудов убойного веса ²⁾.

Вот тот естественный, природный ход улучшения, который сам собою напрашивается при изучении русских отродий скота в связи с условиями их кормления, содержания и воспитания. И изучение нашего Севера дает блестящие доказательства того, что для выработки хорошего молочного скота требуются в первую голову обильные корма. Богатые естественные корма вдоль обильноводных и сильно разливающихся северных рек и их притоков создали в течение многих поколений, с одной стороны, выдающиеся группы придвинского, мезенского и печорского скота, а с другой — полугородское содержание скота с обильными кормлениями в заводских поселках — так называемый заводской скот — тагильский, суксунский, бизярский и пр.

Благодаря связи с многочисленными (более 60) бывшими моими сотрудниками по обследованиям, работавшим на местах, мне удалось разыскать целый ряд местных, в том или другом отношении интересных

¹⁾ «Скотоводство в связи с окружающими условиями». Труды Вольн. экон. общ. 1890 г.

²⁾ «Дуговоеводство, травосеяние и скотоводство — основы северного хозяйства». А. А. Калантар. «Земледелец». 1908 г. № 1.

отродий. Так, благодаря моему бывшему сотруднику по обследованию Пермской губернии Г. С. Серкову, я узнал о весьма интересном тавдинском скоте по реке Тавде, обладающем недурной молочностью, с весьма высоким процентом жира, доходящего до 5—6 процентов; от моего ученика и сотрудника Ю. Т. Янгольда получил сведения об истобенском скоте в Вятской губ.; таким же образом я получил сведения о скоте по р. Свияге — свияжском, о группах скота по Оке и ее притокам — по Мокше, Суре и др. в пределах Нижегородской, Владимирской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и других губ. Список местных отродий с каждым годом увеличивался, но многое еще оставалось в неизвестности и в пренебрежении.

В 1920 г. мною было обращено внимание НКЗема на тавдинский скот и поставлен вопрос о необходимости его обследования. Начальником отдела животноводства М. Н. Яковлевым даже был проведен доклад об отпуске мне средств на это обследование, но потом эти средства были использованы на начало обследования другой крайне интересной группы скота — приокского. Тавдинский же скот был обследован спустя 5 лет экспедицией под общим руководством П. Ф. Добрынина¹⁾. Кстати, я обращал внимание также на весьма интересную, не крупную, но весьма выносливую тавдинскую лошадь, которой буквально восхищались находившиеся в то время в том районе военнопленные венгерцы, говорившие, что они вернувшись на родину, по установлению нормальных сношений с нашей республикой, вновь придут для закупки тавдинских лошадей. Такова наша действительность. Мы не обращаем внимания на лежащие «под боком» богатства, а ищем спасения, «улучшения» чуждыми нашим условиям кровями.

Обследование вполне подтвердило полученные мною в 1920 г. сведения о необычайной жирномолочности и хорошей продуктивности. Собранные сведения говорят о способности этого скота раздаиваться до 167 пудов (215 вед., или 2 735 кг) при среднем удое в крестьянских условиях в 60 пудов или 80 ведер. Среднее содержание жира в молоке тавдинок установлено в 5—6 процентов. Средний живой вес установлен в 293 кг, или около 18 пуд. Мы имеем дело с материалом, достойным большого внимания: способность раздаиваться до такого высокого удоя, как 167 пудов, при выдающейся жирномолочности только говорит о том, что пора приняться за типирование и этого скота.

Кроме тагильского и холмогорского, наибольший интерес представляет, по-моему, одна очень большая группа скота, с которой ближе я стал знакомиться с 1921 года; это красный приокский скот, район распространения которого значительно больше, чем обыкновенно думают. Работами моего ученика Соколова, исследовавшего состав молока и описавшего кормовые богатства пойм Оки в пределах Рязанской и Владимирской губ.²⁾, еще в 80-х годах было установлено существование в этом районе скота с хорошими удоями и весьма жирным молоком. Но близко изучить его мне удалось лишь в 1921 году, когда НКЗ дал мне возможность обследовать скотоводство приокского края в районе волостей Дединовской, Ловецкой и Белоомутской.

В результате обследования я установил: 1) существование определенного типа скота со вполне установившимся костяком и преобладающей мастью красных оттенков, 2) бросающуюся в глаза продуктивность и жирномолочность, 3) в последующие годы мне удалось ознакомиться с характером скотоводства вверх и вниз по Оке и убедиться, что этот тип

¹⁾ С. Г. Азаров. «Тавдинский скот». 1927 г.

²⁾ «Вестник русск. сельск. хоз.». 1885 г.

населяет большой приречный район вдоль всей Оки, начиная от верхнего ее течения до впадения в Волгу и распространяясь по притокам ее. По-моему, этот скот с некоторыми отступлениями и отклонениями занимает огромную территорию частей губерний: Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Московской, Тульской, Калужской. Думается, что этот же тип, с некоторым отклонением, встречается и в более западных губерниях, переходя в белорусский скот.

По крайней мере данные двух экспедиций, установивших стандартные промеры для приокского (в Ряз. губ.) и белорусского (гомельского) скота показали большое сходство в строении костяка обеих групп скота. Хотя белорусский скот и заметно мельче приокского и абсолютные промеры первого меньше, чем второго, но относительные величины (отнесенные к основной величине — высоте в холке) крайне близко сходятся, что видно из следующего сопоставления:

Процентное отношение к высоте в холке, принятой за 100.

Промеры	Широкий стандарт		Узкий стандарт	
	Приокский	Белорусский	Приокский	Белорусский
Высота крестца	101—106	101—106	102—104	102—105
„ сед. бугров	88—95	88—96	90—95	90—95
Косая длина зада	38—43	37—42	39—42	38—41
Глубина груди	52—58	50—56	53—57	52—55
Ширина в маклаках	36—42	36—40	37—41	37—39
Длина головы	37—41	37—41	38—40	38—40
Наиб. шир. головы	—	—	16—19	17—18

И этот тип — на основании многих данных, еще не проверенных детальными исследованиями, — мне думается, идет широкой полосой поперек всей РСФСР с Запада на Восток. Но на этом длинном пути есть и перерывы, где под теми или другими влияниями тип скота изменился. Одним из таких выдающихся районов, где не только было определенное прилитие горной крови, но и велась организованная, хотя и не строго систематическая, работа по подбору животных — это в части Нижегородской губернии, так называемый горбатовский скот. Здесь, благодаря многолетней работе местного заслуженного работника В. И. Вогау, по типированию скота сделано было многое для установления типа горбатовского отродья. Нам кажется, что этот подбор несколько утрирован в сторону низконогости, но если это считать за недостаток, то легко его исправить.

Часто под названием красного приокского скота понимают и горбатовский, что, конечно, неверно: горбатовский должен быть выделен как отдельная группа скота, отличающаяся своим характерным складом, несколько горного типа, коротконогая, более мясного направления, чем обыкновенный приокский скот.

Интересна хозяйственная ценность красного приокского скота, т. е. его продуктивность, которая, конечно, весьма разнообразна, смотря по тем кормовым и бытовым условиям, в которых он живет в том или другом районе. Относительно продуктивности скота, живущего в обсле-

дованном нами в 1921—23 гг. районах Рязанской губ., мы имеем весьма ценные и интересные данные.

Продуктивность скота по знаменитым, издавна пользовавшимся славой, поймам Оки в пределах Дединовской, Ловецкой, Белоомутской и соседних волостей, Зарайского уезда, известна с очень давних пор. Но лишь в 1921 году НКЗ обратил внимание на этот скот и учредил здесь первый питомник или, как часто неверно его называют, коллективный рассадник красного приокского скота. Вскоре на него обратили внимание местные земельные органы и Рязанских губземотделом впоследствии была устроена Новоселковская зоостанция, где было заведено стадо этого скота и начата серьезная селекционная работа.

Рекотносцировочным обследованием с 25 студентами в 1926 году путем подворного опроса, пользуясь соответствующими формулами, мною был собран материал о продуктивности скота в с. Дединове. Эти величины были проверены данными о заносах молока на артельный завод. Результаты получились поразительные: удои в среднем от 100 до 150 пудов, но в отдельных случаях доходящие до 288 пудов (384 ведра). Какой же богатый материал можно получить здесь для правильной селекционной работы.

В этом отношении, конечно, гораздо ценнее точно зарегистрированные удои, каковые мы находим на Новоселковской зоостанции. Эта станция основана недавно и, естественно, еще не могла вывести новых поколений высокоудойливых животных. Тем ценнее тот материал, который поступил на станцию «от земли». Интересно, как раздаивался скот, попавши в условия правильного кормления и содержания. Например:

Год испытания	К о р о в а		
	№ 1	№ 3	№ 6
Первый год . . .	1 382 кг.	2 934 кг.	1 955 кг.
Второй „ . . .	2 917 „	3 061 „	2 886 „
Третий „ . . .	3 137 „	—	3 813 „

Из стада станции 7 рекордисток дали в среднем 3 286 кг, или 265 ведер = 205 пуд. молока. Животные I класса дали в среднем 2 708 кг, или 218 ведер = 169 пуд. Животные II класса дали в среднем 2 121 кг, или 171 ведро = 133 пуда. Нам, не привыкшим к высоким цифрам удойливости, приведенные данные должны казаться необыкновенными. Да, они и действительно крайне интересны, так как «обыкновенны».

Некоторое рекотносцировочное обследование, произведенное мною с 2 моими сотрудниками, по местному приглашению, в Зарайской волости, также дало крайне интересные результаты. Были собраны материалы по деревням, где не было еще оказано никакого агрономического воздействия для улучшения кормления, и по группе деревень, где уже введено усиленное кормление (сильные корма и, пока в малом количестве, корнеплоды). Результаты таковы.

Там, где нет улучшенного кормления, в среднем удои местных коров определен в 105 пуд., или 135 вед. = 1 720 кг. В тех же деревнях где в результате агрономического воздействия введено усиленное кормление, удои оказались:

от 100 до 150 вед.	(1 240—1 860	кг.)	у 9,5%	животных
„ 151 „ 200 „	(1 872—2 480	„)	„ 28,6%	„
„ 201 „ 250 „	(2 493—3 100	„)	„ 28,6%	„
„ 251 „ 332 „	(3 112—4 116	„)	„ 33,3%	„

Само собою понятно, что это были не рядовые коровы, а лучших передовых хозяев и до агронома, любивших и понимающих в скотине толк; но одно существование таких коров в стаде в заметном количестве говорит очень много. И хорошим дополнением к этим материалам, взятым непосредственно из местной действительности, служат данные Дигунинского контрольного союза, где уже говорят не удои, вычисленные, а полученные по прямому подсчету, контрольные, зарегистрированные цифры. Из контрольных данных за 1926 год выбраны годовые удои и величины оплаты корма для ярославок и красных приокских; интересно также их сопоставление параллельно высоте удоев. Правда, здесь еще немного данных (всего 13 ярославок и 6 приокских), но их взаимное расположение по удоям крайне интересно. Удои в пудах расположились в таком порядке:

У ярославок	131—147—150—186—189—194—197—212—214—222—249—256—290
У приокских	— — — — — — — — 215—225—240—219—317—321

Две трети ярославок дала меньше 214 пудов, а из приокских — ни одна. Также приблизительно расположились и цифры оплаты корма. За 100 кормовых единиц получено фунтов молока:

У ярославок	90—92—115—119—122—127—134 — — — Сред. 114
У приокских	— — — 111—113 — — — 136—139—161—171

Эти цифры, конечно, нисколько не умаляют значения ярославок в соответственных районах. Они лишь говорят о том, какую ценность представляет приокский скот среди других местных отродий для обширного бассейна реки Оки, а также, вероятно, и верхнего течения Днепра.

Изучая в течение десятков лет разнообразные местные отродья скота, все более и более убеждаясь в возможности улучшенным кормлением и уходом быстро поднять их продуктивность, а соответственным подбором и воспитанием и создать более однородные типы и породы, я воспользовался Всесоюзной с.-х. выставкой 1923 года, чтобы в широком масштабе продемонстрировать известные нам местные отродья на все-союзном смотре наших богатств. Я думал не только их просто собрать и выставить на показ, но подготовить и некоторый материал для характеристики продуктивных способностей каждой группы скота. С этой целью предполагал собрать по 10 голов от каждого отродья, поставить их на скотные дворы Лотошинской школы с хуторами под общее наблюдение персонала школы и, установивши правильный однородный кормовой режим, собрать почти за год данные об удоях, содержании жира в молоке, оплате корма — и все представить на выставку вместе с животными ¹⁾. И соответственная записка с объяснением вышеизложенного мною была представлена в Главный выставочный комитет, который не только принял предложение в принципе, но и постановил отпустить средства. Но все же в полном объеме план не был выполнен за недостатком ассигнований, и решено было выставить лишь по несколько представителей без предварительного исследования продуктивности.

И эта первая советская выставка была и первым торжественным шествием русских отродий сельскохозяйственных животных, особенно же крупного рогатого скота. Шесть десятков местных отродий было выставлено; многие представили и данные о продуктивности, подчас неожиданные по ее высоте. Результаты обследований профессоров Лис-

¹⁾ Было рассчитано, что при тогдашних соотношениях между ценами на молоко и кормами за это время с излишком окупилась бы вся стоимость скота.

куна, Иванова, Устьянцева, Малигонова, моих и других составили импозантную картину того грандиозного животноводственного материала, над которым предстояло поработать нашей агрономической науке в тесном единении с организациями в самой толще населения. И эта работа должна была быть направлена не к повторению старых пережитых ошибок, а в направлении, в первую голову, улучшения условий кормления и содержания скота в связи с кооперативной переработкой молока и сбытом его и продуктов и одновременно правильно поставленного подбора животных по установленному типу и продуктивности.

Нужно сказать, что многие местные обследования, а также все возраставшее перед революцией число контрольных союзов ¹⁾ значительно изменили психологию агроперсонала, ставшего к тому времени уже на сторону культивирования местного скота в себе. За время войны, когда агрономам пришлось особенно тесно подойти к местному скоту, при том же без надежды получения иностранных производителей, эти симпатии настолько окрепли, что некоторые доходили до крайностей; так, на первом съезде революционного времени в сентябре 1917 г. в Москве одним специалистом, из ярославцев, было внесено предложение вырезать всех иностранных производителей. Это была утрировка, но характерная для наших нравов — из одной крайности в другую.

Но за время советского строительства обследования местных отродий велись в особенно широком масштабе, и мероприятиям массового характера было дано первое место. В результате целого ряда местных наблюдений и изучений, тысячами накапливаемых материалов по показателям кормления и контрольным союзам мы узнали, что приличные удои можно получать не только от отродий, признанными молочными, но и от таких, которые всегда признавались типичными мясными и в отношении удоев безнадежными, каковы, например, киргизское и калмыцкое. В настоящее время мы знаем, что и типичный степной, мясной киргизский скот в соответственных условиях кормления и содержания (и доения без телка) раздается до 150 ведер и выше.

Если не так давно мы праздновали десятилетний юбилей советского строительства, то в области животноводства мы переживаем лишь еще первое пятилетие, так как лишь с 1923 г. НКЗем имел возможность широко поставить вопрос о массовом улучшении скота, и в настоящее время мы уже серьезно говорим об улучшении русского скота в себе. Когда это дело лишь проектировалось в правительственных сферах, кооперативные организации во главе с Маслоцентром так далеко продвинули его, что мы уже на многочисленных съездах знатоков со всех концов республики обсуждали широкие меры улучшения скота в массе. Тем большим анахронизмом звучат в наши дни предложения «с серьезным видом» улучшать местный скот по реке Тавде в примитивных условиях содержания, путем метизации. Автор труда об этом скоте ²⁾, установивши высокие достоинства его, заключает свое положение непонятными словами: «есть опасность, что улучшение скота в самом себе, как путь очень медленный (что является общепризнанным и никем не оспаривается) создаст разрыв с общеэкономическим ростом края и развитием скотоводства и вызовет замедление хозяйственного роста». И поэтому предлагается поставить опыт метизации этого скота с чернзейским, живущим в климате и жизненных условиях совершенно противоположных тавдинским. Мало того, автор уверяет,

¹⁾ Общее число их в 1914 г. достигало 970. Из них 350 падало на долю Прибалтийских губерний, 120 на долю Польши, около 430 собственно России.

²⁾ С. Г. Азаров. «Тавдинский крупный рогатый скот».

что «на основании опыта других стран и мнения наших специалистов такая метизация, при надлежащей постановке дела, должна дать безусловно положительные результаты, а работа по метизации с чернзеями должна стать нашей очередной задачей»¹⁾. И то, что мы считаем пережитком, автор объявляет общепризнанным и никем неоспариваемым. А блестящий опыт финляндцев, шведов, норвежцев и других мы игнорируем и забываем, что именно путь метизации без предварительной крупной ломки наших хозяйственных условий в прошлой, почти вековой истории нашего скотоводства оказался путем «очень медленным».

Теперь, когда знания по скотоводству разбрасываются среди хозяйствующего населения самой щедрой рукой, когда кооперативные организации распространяют сильные корма миллионами пудов, когда контрольные союзы нарождаются, как грибы после дождя, когда проводится коренная ломка крестьянского хозяйства в сторону культуры корнеплодов и сеяных трав, когда массовая работа по отбору лучших продуктивных (а следовательно и хозяйственно выгодных) животных с каждым днем дают себя чувствовать, казалось бы, только остается добавить установление типа и фиксирование его. Оказывается, что еще гипноз продолжается. Пора отделаться от него.

---

¹⁾ Подчеркнуто нами. А. К.